

Русские латвийцы в восприятии американского латыша

Борис Инфантьев

Тему «Русские в Латвии» своеобразно решает применительно к послевоенному периоду 60-х — 80-х годов Гунар Бекманис в своей книге «Krievi un latvieši» (1994). В книге преимущественно рассказывается об отношениях проживающих в Латвии латышей к местным русским. Оно резко отрицательное. Так, Дайна в рассказе «Priekules princese» («Приекульская принцесса») только потому не пользуется возможностью уехать в Америку, что на ее месте в Латвии сразу же появится русский.

Один латышский чудака на каждое Рождество дарит первому встречному пятилатовую монету. Но стоит этому встречному ответить на предложение «Што такой», как дарственный акт не происходит и латыш ограничивается ответом «Ничево» («Ziemsvētku dāvana». «Рождественский подарок»).

В рассказе «Huligāni» («Хулиганы») смакуется побоище в кабаке латышей и русских. Побеждают, разумеется, латыши, к которым на помощь приходят литовские баскетболисты.

В рассказе «Pār klāniem sauca ķīvīte» («Через луга звал чибис») действие происходит на «кафедре балтийских и славянских языков» (намек на то, что балтийская филология подчинена славянской). Происходит разговор между заведующим кафедрой товарищем Арбузовым и студентом Янисом Укстиньшем, который в рассказе называется Ян Яновичем. Арбузов рассказывает о величии и могуществе русского языка и о дипломной работе студента, в которой доказывается, что русский язык произошел от какого-то балтийского языка. Студент пытается доказать самобытность таких латышских слов как «zeme» — от «zem»,

«zaļš» — от «zāle» и т.д., и доводит преподавателя до бешенства. Если прибавить к этому избитые трафаретные фразы об интернационализме, поставленные великим Лениным цели сближения народов, коммунистическом воспитании, то...

Приводим несколько наиболее типичных высказываний Арбузова.

«Вам не нравится русский язык? На нем говорят 300 миллионов. От Ледовитого океана до Черного моря. На нем говорил первый в мире космонавт, товарищ Гагарин, высоко в небесах. На нем говорил великий Ленин, там внизу. То есть здесь, на земле. Этот язык не чужд ни одному интеллигентному человеку, которому не безразлично дальнейшее развитие человечества. Пусть это будет область хозяйственная или политическая, культуры или искусства, спортивная или чисто научная. Его можно слышать в Организации Объединенных Наций и в эфире вокруг всего земного шара. В воздухе, на всех континентах, где наши спутники и спутники вещают всему миру о достижениях советского народа. В водах во всех океанах, где наши корабли и подводные лодки проповедают всеобщий и универсальный мир. И вы, вы пытаетесь утверждать, что русский язык произошел от каких-то там балтийских языков?.. Вы действительно думаете, что русский язык такой бедный, что должен заимствовать слова из каких-то других языков?!»

И далее: «Это только теория, — отвергает Арбузов хорошо, по мнению Бекманиса, аргументированные возражения студента, — факт тот, что вы пытались умалить общий язык интернационального коммунизма. Это,

товарищ, не способствует достижению поставленной Лениным задачи о сближении народов. Это вам как комсомольцу следовало бы понять».

Такого рода поучения и возражения по воле автора рассказа доводят комсомольца Яниса Укстиньша до самоубийства. Мы же остаемся в неведении: что собой представляет речь Арбузова — некомпетентность Гунара Бекманиса или его стремление показать некомпетентность советского доцента (это тоже вполне возможно)?

И еще одна особенная черта нескольких рассказов Бекманиса. Это «русские», которые на поверку оказываются латышами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В рассказе «Krievs un latvietis» («Русский и латыш») некий юноша Василий Бездоглазов собирается идти служить в Советскую Армию. Но перед этим шагает по шоссе вдоль леса, чтобы посетить своего отца и с ним проститься.

Вдруг на обочине дороги он видит человека в потрепанной военной шинели. Это офицер армии независимой Латвии лейтенант Криевс. На этой фамилии основан каламбур: «Я Криевс, поэтому латыш. Я латыш, потому что не могу быть криевс (русский). Криевс (фамилия) и я латыш».

Этот самый Криевс и после войны продолжает скрываться от новой власти в лесу. Происходит пространный диалог, в котором оба собеседника пытаются решить вопрос относительно русских и латышей. Выясняется: у Василия Бездоглазова мать — латышка, которая учила его латышскому языку.

Появляется грузовик с родственниками Василия. Русская подвыпившая публика рада тому, что Вася поймал латыша-фашиста. После разных, правда, маловероятных событий и приключений пьяная компания уезжает, а Василий остается с лейтенантом. В Бездоглазове проснулась его латышская половина.

Рассказ «Sveiks, Julij» («Здравствуй, Юлий») логически еще менее понятен.

Василий Анеесев хочет взорвать метро, проходящее под Даугавой, потому что правительство не интересуется археологическими памятниками. По заданию Управления безопасности его дядя должен племянника уговорить этого не делать. Увещевания дяди оказываются успешными. Но... метро взрывает сам дядя. И в этом рассказе главный персонаж оказывается латышом.

Рассказы Бекманиса свидетельствуют о довольно слабой компетенции автора в реальной действительности Латвии в «добраррикадный» период.